

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

ИЗ ПЛАМЕНИ И ДЫМА

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б94

В оформлении переплета использована
работа художника *Владимира Нартова*

Бушков, Александр Александрович.

Б94 Из пламени и дыма: военные истории / Александр Бушков. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с. — (Бушков. Непознанное).

ISBN 978-5-04-110462-7

Мы думаем, что о Великой Отечественной войне мы знаем всё. Или почти всё. Знаем о чудовищных потерях, о непереносимой боли, о страданиях, страхах и лишениях. Об этом ведь столько уже написано! Но кто поверит, что у войны есть скрытая тайная, мистическая сторона, о которой фронтовики либо вообще не рассказывают, либо — с большой неохотой.

В 1943 году летчик-истребитель, выполняя боевое задание, вдруг увидел вынырнувший из облаков странный, лишенный винтовых моторов гигантский белый самолет. Много лет спустя, уже будучи немолодым, он снова увидел этот же лайнер в кинохронике достижений народного хозяйства — с авиазавода только что вышел флагман советской авиации Ил-62...

В бою на Курской дуге был подбит наш танк. Командир взвода, выбравшись из горящей машины, упал на землю, но вместо вражеских «тигров», пехоты и артиллерии вдруг увидел вокруг себя странных конных всадников с копьями и мечами в руках...

В подвале старого австрийского дома советские офицеры стали свидетелями необъяснимого, мистического явления, о котором не рискнули докладывать вышестоящему начальству, чтобы не оказаться в психиатрической лечебнице...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110462-7

© Бушков А. А., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

НА ПОЛОНИНУ ПРИХОДИ...

Положа руку на сердце, в глубине души недолюбливаю я все, связанное с Украиной. Как увижу эти вышиванки, казаков, услышу «мову» — как изжога подступит. Прекрасно понимаю, конечно, что нельзя обобщать и переносить отдельные негативные впечатления на весь народ, но ничего не могу с собой поделать. Софию Ротару никогда слушать не мог. «На полонину приходи...» Во мне словно спусковой механизм срабатывает, вспоминаю, сколько мы хлебнули горького на этих полонинах и каких ребят там оставили...

Давайте по порядку. Поскольку вас рекомендовал известный нам обоим товарищ, можно откровенно...

Начало сентября сорок седьмого. Мы — спецгруппа МГБ, считая и меня, восемнадцать человек при трех «Виллисах» и двух ручных пулеметах. Базировались мы в селе, которое я, простите, по названию упоминать не буду. Пошло б оно, это название...

Как легко догадаться, учитывая место действия, гоняли мы там «трезубов» по этим самым полонинам, лесам и буеракам. «Гоняли» — вообще-то громко сказано, что уж тут. Делали, что могли, за три недели нашего пребывания достался нам только один и тот остывающий — ну, об этом я подробнее в свое время...

Там обосновался фигурант по кличке, или, как они сами говорили, «псевдо» Смок. По-русски — Дракон. Но непростой дракон, а этакий сказочный, который золотишко копит, красных девиц утаскивает, человеком может обращаться. Ему подходило. Сволочь неопишутая. Не просто командир, а чин из службы безопасности. Зверье из зверья. Не говоря уж о нас и местном населении, своих при малейшем подозрении резали в капусту. Чья-то умная голова туда отправила двух геологов. Не буду рассказывать, какими мы их потом нашли, ну не стоит...

Знаете, конечно, что такое схрон? Так вот, качественный, надежно поставленный схрон обнаружить крайне трудно, даже используя служебную собаку. Можно стоять над ним — и не определить. Прекрасно было известно, что у Смока есть схрон, где их сидит человек примерно сорок, имелась кое-какая агентура, доставшаяся от предшественников, но найти его никак не удавалось. Что до войсковой операции... Майор Мережин из областного управле-

ния, мое непосредственное начальство, сказал прямо: если по каждому схрону проводить войсковую операцию, войск не хватит, да и не напросишься, вы уж сами постарайтесь, не дети малые, с фронтовым опытом. Хотя прекрасно понимал, как и я, что фронтовой опыт тут абсолютно ничем помочь не может, не те условия.

Смутное описание Смока у меня имелось: за сорок, лицо тонкое, породистое, вид интеллигентный «абы учитель чи профессор», в золотых очках. И все. Местный учитель, кстати, под такое описание подходит полностью, разве что очки не в золотой оправе, а в никелированной, но он на глазах, освещен агентурой, про него точно известно, что никакой он не Смок, и на затаившегося врага вообще не тянет, разве что, как старый кавалер¹, любит приволокнуться за молодухами, частенько с взаимностью, но это уж его дело, ни в партии, ни в комсомоле не состоит, так что прорабатывать его за моральный облик некому... Пусть ему соперники синяки ставят, что, по информации, иногда случалось...

Так вот. Село было зажиточное и большое — дворов в сотню с лишним, с католической церковью, со школой, с большим трактиром, с гончарной мастерской, двумя кузницами. Дома там, в отличие от наших деревень, не лепятся друг к

¹ Холостяк (*польск.*).

ИЗ ПЛАМЕНИ И ДЫМА. ВОЕННЫЕ ИСТОРИИ

другу, а разбросаны далеко, вольно, словно горсть карамелек по полу рассыпали. Нашими скромными силами невозможно было полностью взять под контроль столь обширный терен¹, и мы, глядя правде в глаза, ночью просто-напросто сидели в глухой обороне. Пускали, правда, ночные патрули, но особого толку от этого на столь обширном пространстве... Так что и к бабке не ходи, и агентуру не тревожь — и так ясно, что «трезубы» при необходимости в село ходят как к себе домой.

Генерального сражения, если можно так выразиться, Смок нам не собирался давать. Как многие из них, сидел и выжидал, когда против Советского Союза начнут войну Англия с Америкой, и уж тогда-то он в открытый бой пойдет, что твой Наполеон... Кусали по мелочи: обстреливали машины на шоссе, ловили неосторожных бедолаг вроде тех геологов, однажды сняли у нас часового — а ведь три года воевал в полковой разведке! — пару раз кидали ночью гранаты без всякого успеха, спалили один наш «Виллис», подкинули нашему Караю мясо с мышьяком, но он его на земле оставил, пес был ученый, не взял бы кусочка даже от нас, исключительно от проводника.

В селе Смок, можно сказать, и не зверствовал — однажды только застрелил мужика непонятно за что. Может, не согласился на них ра-

¹ Район (польск.).

ботать. Да двух дурех, что слишком далеко забрались в лес по ягоды, изнасиловали, замотав себе рожи тряпками, но это уж наверняка не по приказу Смока, а из чистой самодеятельности. Причин лютовать у него, в общем, не было: в селе не имелось ни советских активистов, ни «ястребков»¹, ни единого члена партии или комсомольца, а председатель сельсовета сидел как мышь под метлой, так что временами казалось, будто его нет вовсе. Был милиционер, но его убили на дороге уже при нас, а нового еще не прислали. В общем, никакой опоры Советской власти, не считая агентуры, да и та поголовно не идейная, а попавшая в информаторы по разным другим причинам... Иногда казалось, что ты в другой стране, честное слово.

Обстановку я обрисовал, теперь можно и про Янину.

Красивых я видывал, но таких — редко. Года двадцать два, фигура, стать, походка... Волосы каштановые, чуть не до пояса, глазищи карие, огромные... Блузка белоснежная с богатой вышивкой, юбка либо красная, либо синяя (она любила яркие), на шее затейливое монисто. Идет — плывет... Зубы сводит у любого нормального мужика, что уж там...

¹ Истребительные батальоны из местной штатской молодежи.

ИЗ ПЛАМЕНИ И ДЫМА. ВОЕННЫЕ ИСТОРИИ

Жила она с дедом, но не в какой-нибудь развалюхе — добротная такая, не маленькая изба, хозяйство немаленькое, со свиньями, с курами, с коровой, большой огород, земельная полоска приличная. И управлялась она со всем этим, особенно не прикладывая рук, — вечно у нее там и сям добровольные помощники, причем не из одних холостых парубков, как следовало бы ждать от такого случая: солидного возраста мужики и бабы помогали в том и в этом.

Уже дней через несколько, едва там обосновавшись, мы ее взяли на заметку в первую очередь. Была у нее привычка порой целыми днями шастать по окрестностям, уходя далеко в лес, — этакая купринская Олеся, ага... Наши ребята, начавши рыскать по лесам, ее пару раз встречали черт-те где. И ведь нисколько не боялась! Хотя прекрасно было известно, что Смоковы хлопцы при удобном случае любую под куст завалят, а уж такую красавицу...

Какая мысль возникает в первую очередь? Правильно. Связная. Иначе почему не боится? Ведь никак не деревенская дурочка — умная, на язычок острая, женскую школу окончила в бывшем уездном городке, а ныне райцентре, книг я у нее дома сам видел штук пятьдесят — и на украинском, и на польском, и на немецком. Заходил официально, в целях знакомства с местным населением. И разговор она поддер-

живала не как селянка, а скорее уж как городская панночка. Что опять-таки вызывало подозрения: почему такая не обосновалась где-нибудь в городе, а сидит в этом медвежьем углу? Нет, здорово тянет на связную...

Естественно, как любой на моем месте, я, как только узнал об этих ее продолжительных прогулках, организовал наружное наблюдение. При должном навыке незаметно следить за человеком в лесу в сто раз проще, чем в городе. А ребята у меня, не хвастаясь, были опытнее, чем индейские следопыты из романов.

Вот только все три раза они ее теряли. Очень быстро. Каждый раз разные. Разводили руками, смотрели в землю, чистосердечно признавались, что понятия не имеют, как вышло: вроде бы вот только что была на виду, в белоснежной блузке, то красной юбке, то синей, и вдруг — как растаяла...

Тогда я их попросту ругал нещадно, ни о чем не задумываясь, но это был первый звоночек... Встретился я ночью в укромном местечке с одним из агентов, и, когда разговор зашел про Янину, он мне вовсе уж шепотом:

— Пан капитан, це ж ведьмачка! Святой крест, Матерь Божья, ведьмачка! — и крестится вовсю.

Я ему приказал не распространять тут мистику, неуместную при Советской власти. Только

ИЗ ПЛАМЕНИ И ДЫМА. ВОЕННЫЕ ИСТОРИИ

остальные трое мне говорили то же самое. Факты давайте, мистики мохнорылые, как вас, хотя вы и не читали, поименовал писатель Шишков! А нету у них конкретных фактов. Все знают, и точка. Общие фразы: мол, может людей лечить, может помочь в том и этом по-своему, а может и навредить так, что сохрани Господи. Факты! Мнутя, бекают, мекают, общими фразами отделяются, один так и заявил: мол, не пытайте, пан капитан, тут такое, что не подвластно никаким властям и никакой полиции, ее в войну немцы обходили за километр, а в сорок шестом сам Довбуш, сдуру вздумавший поухаживать, из ее хаты вышел, как очумелый, тут же собрал своих и ушел из села, и никогда его тут больше не видели...

И вот что было: наш Карай, если им с проводником случайно придется встретиться с Яниной, прижимал уши, обходил далеко, вроде бы и хвост поджать готов. Проводник мне жаловался: мол, не понимает, что с собакой, это с нашим Караем-то, которого однажды пускали в хату, где засели трое бандеровцев, — и он не получил ни царапинки, зато двоим правые руки вмиг порвал так, что оружие они бросили, а третьему в буквальном смысле глотку вырвал. Зверь, в хорошем смысле. Трехлеток, с теленка, хоть на кого пускай...

И как-то вскоре подошла ко мне на улице Янина, улыбаясь, глядя своими карими глазищами невинно, как дитяtko, спрашивает вкрадчиво:

— Пане капитан, може, мне на шее бубенец носить, как корове? Чтобы вашим хлопцам было легче?

Я, признаться, так и не нашелся, что ей ответить моментально и достойно. Она постояла, улыбнулась так, что сердце замерло, — и поплыла дальше. Встретились двое дядьков в возрасте — капелюхи свои сняли, кланяются ей, словно панскому управляющему в польские довоенные времена. А она, бровью не поведя, идет мимо, как королева. Частенько я замечал и до того, и после, что перед ней мужики капелюхи сдергивают, а бабы чуть ли не приседают...

А через день-другой приходит ко мне Вася Зуйко, известный покоритель и разбиватель дамских сердец, который мимо панны Янины ну никак пройти не мог. Вид у него — как говорится, пыльным мешком из-за угла ушибленный. Волосы чуть не дыбом, зубы чуть не лязгают, лица на нем нет. И говорит: товарищ капитан, слово офицера, так все и было...

Встретил он где-то Янину, остановился почесать язычок. Янина особого интереса не выказывает, но и не обрывает, стоит, слушает, улыбнется отрешенно, будто все это ее только забавляет. Васюк наш, приободрившись, попробовал ее ожерелье указательным пальчиком потрогать: мол, до чего красивое... Дите малое, ага, монист он не видал, непременно нужно пальцем потрогать...

И тут вместо ожерелья у нее на шее обнаруживается натуральнейшая громадная гадюка, обвилась в два витка, голову выбросила, шипит, целится цапнуть за палец... Васю поневоле на метр отнесло: натуральнейшая змеища! Местные, что случились поблизости, разговор оборвали: змею видели они там или нет, а уж как Вася шарахнулся, не могли не видеть... Янина говорит что-то вроде:

— Пан поручик, душевно умоляю, не тратьте красивые городские слова на простую деревенскую дивчину. И монисто у меня красивое, и сама я не уродина, но не про вашу честь. И дело не в вашем мундире, я девушка разборчивая и капризная...

Улыбнулась и пошла себе как ни в чем не бывало...

Принюхался я — трезвый, конечно, парень дисциплинированный. Недолго думая, хоть это и не по уставу, взял я его крепенько за глотку, гимнастерку в кулак собрал, говорю ледяным тоном:

— Вы мне, товарищ старший лейтенант, этого не говорили, а я соответственно не слышал. Советскому офицеру, тем более сотруднику госбезопасности, о всякой мистике болтать никак не надлежит... тем более уверять, будто он с ней сталкивался самолично. Я ясно выражаюсь? Ах, ясно... Вот и извольте запомнить на-

крепко: разговорчики эти прекратить, чтобы ни одной живой душе... И к девушке, кстати, не приставайте, змея там или не змея, а не похоже, чтобы вы ей нравились... Как стоите?!

Васюк вытянулся, как положено, и я его отпустил, еще раз повторив, чтобы не распускал язык. Только к тому времени мне было точно известно, что среди ребят пошли... разговорчики. Касательно панны Янины. С тем самым мистическим уклоном. Началось, такое впечатление, от тех, кто за ней следил и терял ее в лесу. При мне — ни словечком, так что крайних я найти не могу, не в силах взгреть соответствующим образом. Но точно знаю, что разговорчики имеют место быть. Впервые у меня в группе такое — чтобы втайне от командира шли посторонние разговорчики, тем более на столь скользкую тему. Так что настроение оставляет желать лучшего.

А той же ночью один из агентов, опять-таки чуть не зубами лязгая, говорит:

— Везучий у вас офицер, пан капитан, или, я так думаю, у панны Янины было доброе настроение. В сорок третьем немецкий унтер-офицер ее хлопнул... пониже спины. Что-то его отнесло, как давеча вашего пана поручика, люди видели, отошел он шагов на сто, присел на лавочку, вынул револьвер и пальнул себе в голову. Хорошо еще, что это двое немцев ви-